

Е. А. Тахо-Годи

ДИАЛЕКТИКА «ВРЕМЕНИ» И «ВЕЧНОСТИ» В ПРОЗЕ А. Ф. ЛОСЕВА¹

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Институт мировой литературы имени А. М. Горького*

Одной из актуальных задач современного литературоведения является описание «философского тезауруса» отечественной словесности, выявление оригинальных «философских» систем и стратегий создателей литературных текстов. Такой подход позволяет понять механизмы взаимодействия между художественным и философским нарративами, продемонстрировать, как философские идеи воплощаются в художественном тексте, а философские трактаты насыщаются художественной образностью, обосновать «философские» предпочтения литераторов и «литературные» пристрастия философов тех или иных эпох [см.: *Русская литература и философия: пути взаимодействия*, 2018]. В то же время целостное понимание художественного мира писателя невозможно без ясного представления о ключевых факторах, формирующих художественную систему, к примеру, о пространственно-временном континууме, что делает первоочередной задачей воссоздания авторской концепции времени и пространства.

Изучение истории русской литературы в таком ракурсе дает чрезвычайно обильный материал благодаря тому, что отечественная словесность на протяжении почти всего XIX столетия являлась полем для выражения философских идей. Эпоха романтизма, породившая такие два философских течения, как «западничество» и «славянофильство», — лучшее тому подтверждение. Этим во многом объясняется «литературоцентричность» оригинальной русской философии рубежа XIX — начала XX веков. Именно в эти годы символом взаимодействия литературы и философии становится фигура Вл. Соловьева — философа, богослова, поэта, литературного критика и публициста [см.: *Литерату-*

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17–18–01432).

ра и религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева, 2018]. Среди духовных учеников Вл. Соловьева немало тех, кто сознательно вносил вклад в обе сферы. К этому ряду, несомненно, принадлежит и такой наследник соловьевской философской традиции, как Алексей Федорович Лосев (1893–1988).

А.Ф.Лосев известен прежде всего как философ и филолог-классик [см.: Тахо-Годи А.А., 2007]. То, что он не в меньшей степени принадлежит и истории русской литературы как писатель, до сих пор осознается далеко не всеми. Лосевская проза 1930–1940-х годов остается в тени других его заслуг. Тем не менее, роман «Женщина-мыслитель», повести «Трио Чайковского», «Встреча», «Метеор», рассказы «Театрал», «Мне было 19 лет», «Из разговоров на Беломорстрое», «Жизнь» не только составляют самостоятельный пласт в наследии мыслителя [см.: Лосев, 2002], но представляют и значительный интерес — и литературоведческий, и философский [см.: Clowes, 2004: 211–234; Тахо-Годи Е.А., 2007].

К числу разрабатываемых в прозе философских проблем относится и проблема времени. Воссоздание авторской концепции времени в лосевском случае вдвойне интересно, потому что мы можем наглядно увидеть, как в его творчестве собственная оригинальная чисто философская концепция времени получает художественное воплощение.

Во второй половине XX столетия А.Ф.Лосев как историк философии занимается изучением теорий времени в античной мысли (многоматная «История античной эстетики»). Но проблема времени занимает его с первых шагов в философию — будучи еще студентом историко-филологического факультета Московского университета в 1910-е годы, он с большим вниманием изучает работы Анри Бергсона [Тахо-Годи А.А., 2007: 46], его теорию длительности, развитую в книге «Длительность и одновременность» (1922), но уже вполне очевидную в увлекавшей Лосева-студента книге «Творческая эволюция» (1907): «Наше время — это не мгновение, идущее на смену другому мгновению, ибо тогда мы имели бы только настоящее, тогда было бы невозможно продолжение прошлого в настоящем, не было бы развития и конкретного времени. Время — это непрерывный прогресс прошлого, пожирающего будущее и растущего по мере движения вперед. Если же прошлое непрерывно растет, то оно и бесконечно сохраняется» [Бергсон, 1999: 18].

Особо явственно внимание А.Ф.Лосева как философа к проблеме времени в 1920-е годы. Об этом свидетельствуют и до сих пор не опубликованный полностью текст первой версии книги «Философия имени», создававшийся с 1918 по 1923 год, и напечатанные в 1920-е годы книги, в первую очередь «Музыка как предмет логики» (1927), и лосевские доклады в Государственной академии художественных наук. К сожалению, до сих пор практически нет работ, которые бы суммировали и давали целостную реконструкцию лосевской теории времени, — существуют единичные публикации, затрагивающие лишь отдельные аспекты этой многосложной темы [Холопов, 1991; Карнаух, 1993; Денн, 2002; Зоткина, 2010].

В представленной 3 ноября 1927 года для обсуждения в Государственной академии художественных наук статье «Искусство» А.Ф.Лосев противопоставляет искусство религии, стремящейся к «личному утверждению в “вечности”» [Лосев, 2017: 116], и вычленяет в произведении искусства четыре слоя. Во-первых, формально-числовую структуру (сюда как раз относятся ритм, симметрия и пропорциональность) [Там же: 117]. Во-вторых, над этим слоем «надстраивается более содержательный, хотя все еще внешне слои *чистого пространства и времени*» [Там же]. В-третьих, «над слоем пространства и времени надстраивается *вещественно-качественный* слой, сначала в виде красок и звуков, тяжести или массы, а затем в виде искусства отдельных самостоятельных вещей» [Там же: 118]. И, в-четвертых, завершается эта структура искусства «*смысловой идейной формой*», для которой «все прочие слои суть только те или иные ее воплощения» [Там же].

Для А.Ф.Лосева как сторонника «религиозного материализма» [Лосев, 1995: 300], убежденного в насыщенности любой вещи смыслом, смысл, несомненно, сопряжен с вечным, а вещь — с временным. В оставшейся неопубликованной части книги «Философия имени» (1918 –1923)² А.Ф.Лосев прямо скажет: смысл, эйдос — вечен, а «иное» — «принцип временности», вечный лишь «как принцип» [Лосев, 2018 с: 69]. Эйдос, или смысл, «данный в “ином”, в инобытии, в материи», теряет свою устойчивость и изначальные границы, становится

² В настоящее время издано лишь несколько фрагментов этой рукописи под названиями, данными публикаторами — А.А.Тахо-Годи и В.П.Троицким [см.: Лосев, 2018 а; Лосев, 2018 b; Лосев, 2018 с].

«все время движущимся, непрерывно-текучим, сплошно-становящимся» [Там же]. Вот почему «инобытийным аналогом абсолютности самознания перво-сущности» оказывается «бессознательное субъекта»³, так как, по А.Ф.Лосеву, только бессознательная установка на вечное позволяет субъекту осознанно фиксировать временное. Отсюда, во-первых, «субъект, представляющий (и воспринимающий) внешнее себе, необходимо должен 1) сохранять в полной неизменности вечность и смысловую всецелостность энергии вообще как забытое и лишь с трудом припоминаемое и 2) представлять себя как иное себе в более или менее узком объеме как временную текучесть и сплошную длительность в рамке неподвижных и раздельных эйдосов»⁴. Во-вторых, «чем менее эйдос погружается в меон, тем менее субъект представления видит текучего, временного в себе и во внешнем себе»⁵. Так как «все, что есть вне перво-сущности, есть <...> ее <...> всецелостная энергия», эманация, имя, «вечное и неизменное, несмотря на какие свои инобытийные судьбы», то все многообразие инобытийных самоутверждений, в том числе «субъект-объектной вражды, вся злоба, ненависть», страдание «инобытийных вещей, восстающих на свой перво-исток <...>, есть не более как вечный и блаженный покой» перво-сущности⁶. Потому синтез «всего субъект-объектного», в итоге, есть круговращение перво-сущности в самой себе: ведь для первосущности «нет ничего внешнего», ибо «она — всё»⁷.

Исходя из этого, время оказывается лишь формой проявления вечного в «ином», в материи, в меоне. Лосев убежден: «Вечность и время — одно и то же, ибо единственный смысл, или эйдос, имя, действующий и живущий во времени, есть только вечный и неизменяющийся

³ Неопубликованный фрагмент рукописи «Философии имени» (личный архив А.Ф.Лосева).

⁴ Неопубликованный фрагмент рукописи «Философии имени» (личный архив А.Ф.Лосева).

⁵ Неопубликованный фрагмент рукописи «Философии имени» (личный архив А.Ф.Лосева).

⁶ Неопубликованный фрагмент рукописи «Философии имени» (личный архив А.Ф.Лосева).

⁷ Неопубликованный фрагмент рукописи «Философии имени» (личный архив А.Ф.Лосева).

смысл, или эйдос, имя» [Лосев, 2018 а: 153]. Вот почему «нет никакого времени помимо и вне вечности, и, следовательно, нет никакого времени ни **до** вечности, ни **после** вечности, ни **в** самой вечности» [Там же], но «нет никакой вечности помимо и вне времени, и, следовательно, нет никакой вечности ни **до** времени, ни **после** времени, ни **во** времени» [Там же: 154]. Тем не менее «вечность и время одновременно и одинаково и тождественны, и различны» [Там же: 156], так как «вечность и время отличаются друг от друга тем, что время есть вечность, перешедшая в иное и внешнее себе, время есть иной факт, чем факт вечности» [Там же: 155]. Хотя «время есть непрерывно-становящаяся вечность» [Там же: 156], а «вечность есть неподвижно-пребывающее временное становление» [Там же], однако «то, что называется временем, есть тоже вечное — с тем единственным отличием, что это — вечность иного, чем перво-сущность» [Там же: 158]. Хотя «вечность так же становится и меняется, как и время», она не знает «меональной убыли» [Там же]. Пусть «для инобытийной сущности время и вечность — одно и то же», но «во времени нет абсолютного смысла самосознания, стремления и т. д.», тогда как «в вечности все то же самое по факту дано в абсолютной своей самоявленности, самосознании, выраженности и т. д.» [Там же]. По А.Ф.Лосеву: «Вечность уже присутствует в каждый момент, и все, что творится, творится уже в вечности. Время — домостроитель вечности. Изменить вечность можно только во времени. Если бы время кончилось абсолютно, и вечность бы исчезла во мгновение ока, как и обратно. Но время не исчезает. Исчезнет только осознание себя как самостоятельно выражающего себя, и настанет только осознанность себя как самостоятельной выраженности себя. Без времени нет вечности. И не будет. Время строит вечность. Время — тело вечности. Не сделать чего-либо во времени значит не сделать этого и в вечности. Не познать и не полюбить чего-либо во времени значит не познать и не полюбить этого и в вечности. И то, что мы обыкновенно называем вечным, или будущей вечностью, есть только обнажение временного в абсолютном свете для самого себя. В будущей вечности ничего не прибавится и не убавится в сравнении с нынешним временным (ибо иначе это и не было бы вечностью, т. е. неподвижностью); только осознается все в абсолютном свете и явится не зеркалом в гадании, но лицом к лицу» [Там же: 154–155].

Вот почему даже «вся темнота, все зло и страдания, какие были во времени», не могли не быть и не могут быть забыты, стать «не бывшими», потому что в таком случае будет нарушена «всеблаженная природа самой перво-сущности» [Там же: 158].

Такой подход делает для А.Ф.Лосева в 1920-е годы, с одной стороны, неприемлемым учение о времени Мартина Хайдеггера — не только потому, что Мартин Хайдеггер не учитывает значение социального бытия для исторического времени, но, как Лосев скажет во время одной из дискуссий в ГАХН, главным образом потому, что Хайдеггер рассматривает время «с точки зрения субъекта», тогда как, по убеждению А.Ф.Лосева, в понятии времени нет «ничего субъективного» [*Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов*, 2017: 382]. С другой стороны, такая философская установка становится отправным пунктом для лосевских художественных исканий 1930-х годов.

Большинство художественных текстов А.Ф.Лосева написано в жанре исповеди-воспоминания (подробнее об этом: [Тахо-Годи Е. А., 2007]). Отсюда превалирование в его прозе так называемого биографического типа времени, линейность которого предопределяется самим фактом проживания жизни. Однако личное, субъектное время всегда включается и в вечное, и в историческое. Так, в повести «Трио Чайковского» сцена мести пианистки Томилиной влюбившемуся в нее писателю Николаю Вершинину происходит в ночь с 19 на 20 июля 1914 года, т. е. в тот самый момент, когда начинается Первая мировая война, о которой герои еще и не подозревают. Личное трагикомическое становится аллегорией и исторической трагедии, и метафизической — воплощением в текущем времени вечного «протосюжета» — грехопадения. Так в биографии каждого персонажа «осуществляется своя вечность» [*Словарь художественных терминов. Г.А.Х.Н. 1923 – 1929 гг.*, 2005: 466].

Вводя почти во все свои тексты одного и того же главного героя — Николая Вершинина, представляя всюду его биографию в различных вариациях, в разных исторических и социальных средах и срезах — то среди дореволюционных любителей музыки, как в повестях «Трио Чайковского» и «Метеор», то среди заключенных в лагере на строительстве Беломорско-Балтийского канала, как в повести «Встреча» или рас-

сказе «Из разговоров на Беломорстрое»⁸, автор демонстрирует, что один и тот же личностный миф (эйдос, смысл, вечное) получает различное социальное, историческое, временное воплощение. Вместе с тем решаются такие проблемы, как смысл жизни, судьба/рок, личностная свобода.

Парадоксальный факт отсутствия единой, целостной биографии главного героя, когда каждый из текстов с участием Вершинина представляет собой лишь отдельный «фрагмент» из жизни «одного из Николаев Вершининых», обусловлен тем, что А.Ф.Лосева не интересуется бытописанием — ему важно понять то, как и при каких обстоятельствах изначально заложенный в человеческой судьбе смысл максимально проявляется. Недаром в финале романа «Женщина-мыслитель» Вершинин видит три пророческих сна с участием только что убитой героини романа — Радиной, являющейся то гениальной пианисткой, то матерью и невестой, то чекисткой. Эти сны вскрывают как раз ту «тайную перспективу бытия», о которой в хаотическом жизненном временном потоке герой не мог и подумать.

Неслучайно А.Ф.Лосев прибегает и к детективному и авантюренному развитию сюжета, обрекает своих героев на различные кошмары — убийства, насилие, войны, тюрьмы, концлагеря. Катастрофы маркируют временные стыки, где «причинно осмысленный ход событий прерывается», где происходит вторжение якобы «чистой случайности с ее специфической логикой», логикой «случайного совпадения» или «случайного разрыва, то есть случайной разновременности» [Бахтин, 1975: 242]. Но раз, как уже было сказано, по А.Ф.Лосеву, весь *зримый мир есть вечная и неизменная «всецелостная энергия перво-сущности»*⁹, то случайность — это лишь видимость, а само зло восстающих на свой первоисток инобытийных воплощений есть лишь временное явление, никак не влияющее на «вечный и блаженный покой абсолютного света перво-сущности»¹⁰, который в итоге приведет к конечному преодолению зла в реальной жизни.

⁸ К лосевской прозе тесно примыкают его письма из лагерного заключения [сами письма и о них см.: Лосев А. Ф., Лосева В. М., 2005; Тахо-Годи Е. А., 2012].

⁹ Неопубликованный фрагмент рукописи «Философии имени» (личный архив А.Ф.Лосева).

¹⁰ Неопубликованный фрагмент рукописи «Философии имени» (личный архив А.Ф.Лосева).

Убежденность в том, что конкретно-историческое время является лишь фрагментом вечности, приводит к отказу автора от постановки «последней точки» в судьбе героя. Она автору не нужна потому, что отдельная человеческая жизнь неразрывно слита с общемировой жизнью, не знающей окончания. Принцип, против которого выступает герой рассказа «Театрал», говоря: «Зачем эта вечная несоизмеримость, нехватность, это досадное и нудное скольжение жизни<...> Где начало и конец, где середина бытия?» [Лосев, 2002. Т. 1: 98] — как раз и является одним из исходных принципов для А.Ф.Лосева как писателя.

А.Ф.Лосев как писатель лишь на первый взгляд принимает временную точку зрения героя-рассказчика и мемуарную последовательность событий. На самом деле автор совмещает различные временные перспективы: мы смотрим не только «из настоящего в прошлое» героя, но и из его «настоящего в его будущее», как это наиболее явно дано в снах Вершинина из романа «Женщина-мыслитель». При этом «право на прошлое» реализуется не только как воспоминание о минувших конкретных событиях, но как припоминание метафизического прошлого, предшествующего им. В рассказе «Мне было 19 лет» герой признается, что, увидев знаменитую певицу Потоцкую, он понял, что «вечно жил так, как эта женщина, жил тем же, чем и она, и жил с нею вместе долго-долго, всю вечность» [Там же: 55].

Подобные «припоминания» создают в воспоминаниях героев два слоя — о реально бывшем в обыденной жизни и о бывшем когда-то в вечности. Недаром Вершинин в «Женщине-мыслителе» говорит: «Когда человек касается вечности, то и все временное становится вечным, и уже нельзя измерить часами те секунды и минуты, которые прошли под властью вечного, тут каждое мгновение есть уже вечность. Да и сама вечность — не есть тоже такое одно и единственное, всеохватывающее, вселенское мгновение?» [Лосев, 2002. Т. 2: 129–130].

Исходя из такого понимания времени, А.Ф.Лосев и берется за изображения якобы случайных эпизодов человеческой жизни, так как во фрагменте все время дано уже как целое, как вечное, вселенское мгновение. Главный герой, отдельное лицо, выхваченное из общего потока, сам лишь точка, фрагмент общемировой жизни. Он своего рода вечный «эйдос», погруженный во временной, текущий меон. Вот почему он как субъект должен «сохранять в полной неиз-

менности вечность <...> как забытое и лишь с трудом припоминаемое» и должен стремиться вырваться из меональной временной стихии, чтобы его «фактически бессознательное» могло из инобытийного аналога «абсолютности самосознания перво-сущности», преодолев «временное в себе и во внешнем себе»¹¹, приблизиться к чистому мышлению, вернувшись к своему перво-истоку, чтобы в земном человеке высветилась связь земного и метафизического, временного и вечного.

Литература

- Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
- Бергсон А.* Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999.
- Денн М.* Имяславие и его философские пророки: от субститута глоссолалии к обоснованию временности // Вопросы философии. 2002. № 12. С. 93–104.
- Зоткина О.Я.* Иконичность времени в «Диалектике мифа» А.Ф.Лосева // Культурология. 2010. № 1 (52). С. 30–43.
- Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920–х годов. Т. 2: Публикации / Под ред. Н.С.Плотникова и Н.П.Подземской при участии Ю.Н.Якименко. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Карнаух В.К.* А.Ф.Лосев и проблемы античного понимания пространства и времени // Мысль и жизнь: К столетию со дня рождения А.Ф.Лосева: Сб. статей. Ч. 1. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1993. С. 192–200.
- Литература и религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века: К 165-летию Вл. Соловьева / Отв. ред. и сост. Е.А.Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018 (серия «Русская литература и философия: пути взаимодействия». Вып. 2).
- Лосев А.Ф.* Диалектика инобытия сущности: вечность и время // Вопросы философии. 2018 а. № 10. С. 153–163.
- Лосев А.Ф.* Диалектика инобытия сущности: пространство // Credonew: Теоретический журнал. 2018 б. № 4 (96). С. 19–25.
- Лосев А.Ф.* Искусство: Статья для «Словаря художественной терминологии» ГАХН // Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов / Под ред.

¹¹ Неопубликованный фрагмент рукописи «Философии имени» (личный архив А.Ф.Лосева).

- Н.С.Плотникова и Н.П.Подземской при участии Ю.Н.Якименко. Т. 2: Публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 115–121.
- Лосев А. Ф. Предмет психологии // Культурно-историческая психология. 2018с. Т. 14. № 4. С. 67–71.
- Лосев А. Ф. Стрoение художественного мироощущения // Лосев А. Ф. Форма. Стилль. Выражение / Сост. А.А.Тахо-Годи. М.: Мысль, 1995. С. 297–320.
- Лосев А. Ф. «Я сослан в XX век...»: в 2 т. / Сост. и комм. А.А.Тахо-Годи, Е.А.Тахо-Годи, В.П.Троицкого; предисл. Е.А.Тахо-Годи. М.: Время, 2002.
- Лосев А. Ф., Лосева В.М. «Радость на веки»: Переписка лагерных времен / Сост., подгот. текста и комм. А.А.Тахо-Годи, В.П.Троицкого; предисл. А.А.Тахо-Годи; послесл. Е.А.Тахо-Годи. М.: Русский путь, 2005.
- Русская литература и философия: пути взаимодействия / Отв. ред. и сост. Е.А.Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018 (серия «Русская литература и философия: пути взаимодействия». Вып. 1).
- Словарь художественных терминов. Г.А.Х.Н. 1923–1929 гг. / Под редакцией и с послесловием И.М.Чубарова. М.: Логос-Альтера, 2005.
- Тахо-Годи А.А. Лосев. М.: Молодая гвардия, 2007 (серия «Жизнь замечательных людей»).
- Тахо-Годи Е.А. Художественный мир прозы А.Ф.Лосева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007.
- Тахо-Годи Е.А. Отношения Я–Ты в книге А.Ф.Лосева и В.М.Лосевой «Радость на веки»: переписка лагерных времен» // «Życie Serca»: Duch-dusza-ciało i relacja Ja–Ty w literaturze ze i kultur ze rosyjskiej XX–XXI wieku. Rossica lublinensia. 7. Lublin, 2012. S. 395–404.
- Холопов Ю.Н. Музыкально-теоретическая концепция А.Ф.Лосева: теория музыкального времени // Проблемы музыкальной теории. М.: Московская гос. консерватория, 1991. С. 3–11.
- Clowes E.W. Image and Concept: Losev's «Great Synthesis of Higher Knowledge» and the Tragedy of Philosophy // Clowes E.W. Fiction's Overcoat. Russian Literary Culture and the Question of Philosophy. Ithaka; London, 2004. P. 211–234.